

бездѣля кровь у него стучить, и они ее поклонами да стозніемъ охолаживаютъ. Дай ему, коли онъ въ міру на волѣ не уживается, искусь настоящій, тяжелый. Онъ его съ радостью возьметъ. Въ больницѣ въ простой, да въ тюрьмѣ, работа не легкая и не сладкая. Тоже подъ началомъ, да за то при дѣлѣ будетъ. А я такихъ не одинъ десятокъ видалъ, что съ охотою, на недолгій срокъ, на такое дѣло пойдутъ.

— Похлебка кажись готова, — прекратилъ бесѣду худой бродяга.

Охотникъ всталъ. Бродяги послѣдовали его примѣру.

— Ну, братцы, бывайте здоровы, — сказалъ онъ, приподымая свою шляпу.

— Спасибо тебѣ, баринъ, — отвѣтилъ за всѣхъ старикъ, отшившая ему поклонъ въ поясъ. — Спасибо и за то, что накормилъ да обулъ, и за то спасибо, что бесѣдой не погнушался. Не какъ собакамъ голоднымъ кость кинулъ, а какъ людямъ помогъ. Мы хоть и каторжные были, а все понимать розницу-то можемъ.

— Не откажи, баринъ, возьми мою палочку, — сказалъ рысчикъ, подавая дубинку. — Великое дѣло въ тайгѣ топоромъ разжиться. Все равно, что безрукому руку вернуть.

Охотникъ взялъ палку, и еще разъ кивнувъ, пошелъ въ лѣсъ, а бродяги применили вплотную къ котелку, съ давно не виданнымъ горячимъ варевомъ.

Прошло съ недѣлю времени. Однажды ночью, въ разрывѣ пріиска поймали какого-то бродягу, неизвѣстно зачѣмъ туда забравшагося. Украсть тамъ было нечего, а сломать себѣ шею въ темнотѣ онъ могъ легко. Поставили раба Божья передъ лицомъ начальства, стали допрашивать: молчать парень, словно воды въ ротъ набралъ. Послали за хозяиномъ-охотникомъ. Лишь только онъ взглянулъ на бродягу, какъ тотчасъ призналъ его.

— Это ты, Жукъ?

Бродяга какъ-то бессмысленно взглянулъ на него и сдѣлавъ глупое лицо, ничего не отвѣтилъ.

— Развѣ вы изволите знать его? — спросилъ хозяина толстый надсмотрщикъ.

— Нѣтъ, должно быть я обознался; — отвѣтилъ хозяинъ, и разспросивъ, при какихъ обстоятельствахъ онъ былъ схваченъ и убѣдившись, что бродягой ничего украдено не было, приказалъ отпустить его на всѣ четыре стороны.

При вечерней провѣркѣ добытаго за день золота, оказалось,